

БОЛЬШАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

**ЗАПИСКИ
О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ**

**АРТУР КОНАН
ДОЙЛ**

КРАСНОЕ ПО БЕЛОМУ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д62

Серия «Большая библиотека приключений. Новое оформление»

Дизайн *Анны Сазоновой*

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

Дойл, Артур Конан

Д62 Записки о Шерлоке Холмсе. Красное по белому :
сборник. / Артур Конан Дойл. Пер. с англ. — Москва:
Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград»,
2024. — 480 с. — (Большая библиотека приключений.
Новое оформление).

ISBN 978-5-17-166086-4

Артур Конан Дойл вошел в мировую литературу прежде всего как непревзойденный мастер детективного жанра, автор множества произведений о гениальном сыщике Шерлоке Холмсе и его верном друге докторе Ватсоне. В сборник вошла повесть «Красное по белому», а также «Записки о Шерлоке Холмсе».

Обладая острым умом и необыкновенной наблюдательностью, используя свой знаменитый дедуктивный метод, сыщик решает самые запутанные головоломки. Гениальная способность к перевоплощению позволяет ему проникать в самые разные слои общества в стремлении разгадать тайну. Кроме того, Холмс обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-166086-4

© ООО «Издательство АСТ», 2024

**ЗАПИСКИ
О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ**

Приключение в пустом доме

Весной 1894 год весь Лондон был взят интересом, высший свет потрясен убийством Ронльда Адэра, происшедшим при самых необыкновенных и необъяснимых обстоятельствах. Публике были уже известны подробности, обнародованные полицейским дознанием, но не вполне так как преступление было столь ошеломляющее, что не предствлялось ни добности излагать все факты. И только теперь, по прошествии почти десяти лет, мне дозволено пополнить недостающие звенья, которые восстанут во всей целости эту замечательную цепь. Преступление само по себе предствляло интерес, но для меня интерес этот рождался только в сравнении с некоторым его последствием, которое так потрясло меня и было для меня таким сурпризом, что я ничего подобного не испытывал в течение всей своей полной приключений жизни. И теперь еще я весь трепещу, когда вспоминаю об этом, и снова испытываю тот неплавный вездности ржестия, удивления и сильного потрясения, которые положительно наполнили мою душу. Прошу читателей, которые интересуются моими случаями, очертаниями мыслей и деятельности одного очень замечательного человека, не порицать меня за то, что я не поделился с ними своими сведениями. Я считал бы первым долгом это сделать, если бы мне не помешало категорическое запрещение, исходящее от него самого. Запрещение, снятое только третьего числа прошлого месяца.

Можно себе представить, что бл год ря честной дружбе с Шерлоком Холмсом я глубоко интересов лся преступлениями, и что после его исчезновения я неизменно тц тельно изуч л р зличные з д чи, являвшиеся перед публикой, и д же не р з прибег л к его метод м, пыт ясь р зреш ть их, хотя с посредственным успехом. Одр ко же ни одн т йн преступления не привлек л меня т к, к к тр гедия убийств сэра Рон льда Адэр . Когда я прочел результат следствия, которое привело к призн нию *неизвестного* лиц или лиц виновными в умышленном убийстве, то я более ясно, чем когд -либо, осозн л, н сколько велик утр т , которую понесло общество в лице Шерлок Холмс . В этом стр нном деле были пункты, которые, н -верное, з интересов ли бы его, и ст р ния полиции были бы дополнены или, вернее, предупреждены редкой н -блюд тельностью и живым умом первого кримин льного гент в Европе. Дел я свой обход, я целый день обдумыв л этот случ й и не н ходил ему ник кого подходящего объяснения. Рискуя повториться, я все же н помню ф кты, которые ст ли известны публике по оконч нии следствия.

Сэр Рон льд Адэр был вторым сыном герцога Мэнута , бывшего в то время губерн тором в одной из встр лийских колоний. М ть Адэр вернул сь из Австр лии для того, чтобы подвергнуться опер ции снятия к т р кты, и жил вместе с сыном Рон льдом и дочерью Тильдой н П рк-лейн, 427. Молодой человек вр щ лся в лучшем обществе, не имел, н сколько было известно, ник ких вр гов и ник ких особенных пороков. Он был женихом мисс Эдинг Вудлей К рстерс, но з несколько месяцев перед тем св дьб р строил сь по вз имному согл шению. И нез метно было, чтобы это произвело н него особенно глубокое впеч тление. Во всем ост льном жизнь Рон льд вр щ л сь в узком условном кругу, ибо привычки его были тихие, х р ктер спокойный. Между тем этого-то сч стливого молодого ристокр т н стигл с м я стр н-

и неожиданная смерть 30 марта 1894 года вечером, между десятичасыми и одиннадцатью часами двенадцать минут.

Ронльд Адэр любил карты и постоянно играл. Но не столь крупно, чтобы причинить себе ущерб. Он был членом некоторых клубов «Блэдвин», «Квендиш» и «Богатель». Из свидетельских показаний выяснилось, что после обеда в день своей смерти он сыграл один ровер, вист, в последнем из названных клубов. Он также играл тем же днем. Игравшие с ним мистер Мэрэй, сэр Джон Грди и полковник Мор показали, что играли в вист и что Адэр проиграл фунтов пять, не больше. Он имел значительное состояние, и поэтому проигрыш никоим образом не мог подействовать на него. Он почти ежедневно играл не в том, так в другом клубе, но был осторожным игроком и обыкновенно выигрывал. Из свидетельских показаний стало ясно, что за несколько недель до своей смерти он, имея партнером полковник Мор, выиграл у Готфрея и Мильнера, лорд Блэмрля, в один присест 420 фунтов. Вот и все, что следствие обнаружилось о последних днях Ронльда Адэра.

В вечер преступления он вернулся из клуба ровно в десять часов. Его мать и сестры были в гостях. Горничная показала, что она слышала, как он вошел в комнату в первом этаже, выходящую на улицу и служившую ему гостиной. Он зажег лампы, и как-то он дымил, то открыл окно. Из комнаты не слышно было никого до одиннадцати часов двенадцать минут, когда вернулись домой леди Мэнут и ее дочь. Мать хотела пожелать спокойной ночи своему сыну, но дверь была закрыта изнутри, и никто не отозвался на стук и крики. Позвали на помощь, и дверь была взломана. Несчастный молодой человек лежал около стола. Голова его была страшна изуродована револьверной пулей, но в комнате не было найдено никакого оружия. На столе лежали две десятифунтовые бумажки и семнадцать фунтов десять

шиллингов серебром и золотом, причем монеты были сложены в столбики по их ценности. Кроме того, на столе лежал лист бумаги с нанесенными на него цифрами, против которых были проставлены имена некоторых клубных приятелей Адэра, из чего вывели предположение, что он перед смертью пытался свести счет своих проигрышей и выигрышей в карты.

Подробное рассмотрение обстоятельств послужило только к осложнению этого случая. Во-первых, ничем нельзя было объяснить, почему молодой человек захватил ключ. Возможно было, что сделал это убийца, скрывшийся за тем через окно. Однако он должен был бы спрыгнуть с высоты по крайней мере двадцати футов, под окном не ходил сь клумб крокусов в полном цвету. Ни цветы, ни земля не были помяты, так же не видно было никаких следов узкой полосе травы, отделявшей дом от дороги. Следственно, сам молодой человек, по-видимому, запер дверь. Но что же было причиной его смерти? Никто не мог вскрываться до окна, не оставив следов. Если предположить, что кто-нибудь выстрелил в окно, то только выстрел из револьвера, причинивший смертельную рану, был бы поистине из меч тлен. К тому же Пирклейн — бойкая улица, в ста ярдах от дома не ходится извозчицья стоянка. Никто не слышал выстрел. А между тем на лице были мертвый человек и револьверная пуля, которая, как это свойственно пулям с мягким концом, пробил голову насквозь и таким образом неслерану, за которой должен был последовать моментальная смерть.

Точковы обстоятельств пирклейнской тайны, осложнившиеся еще полным отсутствием мотивов ввиду того, что, как я сказал, никто не знал, чтобы у молодого Адэра был какой-нибудь враг, и не видно было никаких попыток взять деньги или ценности, находившиеся в комнате.

Весь день обдумывая эти факты, пытаясь сделать какой-нибудь вывод, могущий их примирить, и найти то место наименьшего сопротивления, которое, как утверждал мой

погибший друг, должно быть точкой отправления всякого следствия. Признаюсь, что мои попытки имели мало успеха. Вечером я прошел через парк и часом в шесть очутился на том конце Парк-лейн, к которому примыкает Оксфорд-стрит. Я узнал дом, на который пришел посмотреть, по группе зевак на тротуаре, глядевших по направлению одного окна. Высокий худой человек в синих очках, которого я сильно подозревал в том, что он переодетый сыщик, рывком кинул кую-то собственную теорию, между тем как остальны́е, столпившись, слушали его. Я подошел как можно ближе к нему, но его разглядесть не удалось. Он казался мне нелепыми, и я с отвращением отошел. При этом я нечаянно толкнул сгорбленного старика и заставил его выронить несколько книг, которые он нес. Помню, что, поднимая их, я заметил заглавие одной из книг — «Происхождение поклонения деревьям», — и подумал, что этот человек, должно быть, бедный библиофил, собирающий неизвестные книги ради промысла или же ради удовлетворения своей страсти. Я попробовал извиниться в своей неловкости, но было очевидно, что эти книги, с которыми я имел несчастье так дурно обойтись, были очень драгоценны в глазах их обладателя. С презрительной воркотней он повернулся назад к блуждающим, и я видел, как его круглая спина и седые бороды исчезли в толпе.

Мои наблюдения за № 427 на Парк-лейн мало объяснили мне интересов в пользу меня за дом. Дом отделялся от улицы низкой стеной и решеткой, доходившими до пяти футов высоты, не более. Следовательно, было крайне легко перелезть в сад. Но окно было совершенно недоступно, так как не существовало ни водосточной трубы, ничего либо другого, что помогло бы ловкому человеку добраться до него. Означенный более прежнего, я повернул свои стопы обратно к Кенсингтону.

Не просидел я в своем кресле и пяти минут, как вошла девушка и доложил, что кто-то желает меня видеть. К моему удивлению, это был не кто иной, как мой

странный библиофил. Его остроконечное дряхлое лицо выступало из прядки седых волос, дорогие ценные книги, около дюжины, он еле удерживал под мышкой.

— Вы удивлены, что видите меня, — произнес он странным хриплым голосом.

Я признался, что да.

— Ведь у меня же есть совесть, сэр, и когда я, случайно ковыляя за вами, увидел, что вы вошли в этот дом, то подумал, что не мешало бы мне зайти к этому доброму господину и сказать ему, что если я и был несколько груб, то без всякого злого умысла, и что я так был благодарен за то, что он поднял мои книги.

— Вы придете слишком большое значение пустякам, — сказал я. — Смеем ли спросить: как вы обрзома вы узнали, кто я так кой?

— Простите, сэр, если я скажу, что я ваш сосед, так как вы можете нейти мою книжную лавку на углу Черч-стрит, и, уверяю вас, я буду очень счастливы увидеть вас там. Может быть, и вы, сэр, коллекционер. Вот «Британские птицы», «Ктулл» и «Священная война», каждый из этих томов — находка. При помощи пяти книг вы могли бы заполнить этот пробел на второй полке. Он имеет некуртвый вид. Не правды ли, сэр?

Я повернул голову, чтобы взглянуть на эту жерку позади меня. Когда я снова обернулся, передо мной стоял Шерлок Холмс, улыбаясь мне через стол. Я, порженный, вскочил на ноги, вытирая щеки и неголзи, простояв так несколько секунд, видимо, лишился чувств в первый и последний раз в своей жизни. Достоверно то, что сплошной туман застилало мое зрение, и когда он рассеялся, я почувствовал, что воротник мой расстегнут и что на губах осталося вкус водки. Холмс стоял, нагнувшись над моим стулом с фляжкой в руке.

— Милый Ватсон, — говорил хорошо знакомый голос, — прошу вас тысячу извинений, я и невообразил, что так взволную вас.

Я схватил его за руку.

— Холмс! — воскликнул я. — Это в самом деле вы! Неужели вы действительно живы? Возможно ли, чтобы мы удолось выбраться из этой ужасной пучины?

— Погодите минутку, — сказал он. — Уверены ли вы в том, что можете разговаривать? Я причинил вам серьезное потрясение своим неуместным телесным появлением.

— Я чувствую себя прекрасно, но, про вас, Холмс, не смею доверять своим глазам. Царь Небесный! Подумайте, что именно вы стоите в моем кабинете!

Я снова схватил его за руку, под которым ощутил тонкую жилистую руку.

— Ну, во всяком случае, вы не дух, — сказал я. — Дорогой товарищ! Я не помню себя от радости, что вижу в вас. Сидите и расскажите, каким образом вы вышли живым из этой страшной пучины.

Холмс сел напротив меня и со своей прежней небрежной манерой закурил пиперосу. Никем был поношенный сюртук букиниста, но все остальные принадлежности этого мастера лежали в виде кучи белых волос и книг на столе. Холмс казался еще тоньше и пронзительнее прежнего. Но его орлиное лицо приняло тот мертвенно-бледный оттенок, который говорил о нездоровой жизни.

— Я рад, что могу выпрямиться, Ватсон, — сказал он. — Не шутка для такого высокого человека уменьшить свой рост на целый фут и оставаться в таком положении в течение нескольких часов. А теперь перейдем сразу к делу. Что касается этой трагедии, то нам, если смею просить вас о сотрудничестве, предстоит тяжелая и опасная ночная работа. Может быть, лучше будет, если я вам дам отчет о всех обстоятельствах, когда работа будет окончена.

— Я спорю от любопытства. Я бы предпочел услышать обо всем сейчас же.

— Пойдете вы со мной сегодня ночью?

— Когда желете и куда пожелаете.

— Истинно вспоминую старину. У нас еще есть время пообедать. Ну, так о пропсти. Я не имел никаких серьезных затруднений выбраться из нее по той простой причине, что никогда в нее и не попадал.

— Вы не были в ней?

— Да, Ватсон, я никогда не был в ней. Моя записка в нем была совершенно искренняя. Я ничуть не сомневался, что достиг конца своей жизненной карьеры, когда увидел зловещее лицо покойного профессора Морирти, стоявшего на узкой тропинке, ведущей к спусканию. Я прочел в его серых глазах неумолимую решимость, поэтому я обменялся с ним несколькими словами и получил от него любезное разрешение написать в нем короткую записку, которую вы впоследствии и получили. Я оставил ее вместе с портсигаром и палкой и двинулся по тропинке,

Морирти шел по моим пятам. Когда я дошел до конца, то очутился в безвыходном положении. Он не вынул ничего оружия, но бросился на меня и обвинил меня своими длинными руками. Он знал, что настал конец его собственной игре, и ждал только отомстить мне.

Мы вместе шли только на краю водопада, однако я несколько знаком с бриту, или японским искусством борьбы, которое не раз сослужило мне службу. Я выскользнул из объятий Морирти, и он с ужасным криком безумно борхтлся несколько секунд и хватая руками за воздух. Но, несмотря на все свои усилия, он не мог удержаться в равновесии и свалился в пропасть. Лежа на краю водопада, я высунул голову вперед и долго смотрел, как он подал. Затем он ударился о скалу, подпрыгнул и шлепнулся в воду.

Я с удивлением слушал эти объяснения, которые Холмс давал, покуривая пипиросу.

— Но следы! — воскликнул я. — Я собственными глазами видел следы двух человек, ведущих вниз по тропинке, и никаких обртно.

— Это случилось вот почему. В тот момент, когда профессор исчез, мне пришло в голову, к какой счастливый случай предоставил мне судьба. Я знал, что Мориarty не единственный человек, поклявшийся меня убить. Были еще по крайней мере три человека, жаждущие мести которых только увеличил риск бы от гибели их вожак. Они все были крайне опасные люди. Не тот, так другой, но верное, достиг бы меня. С другой же стороны, если мир будет убежден, что я умер, они будут действовать свободнее, смирившись себя, и мне удастся рано или поздно их уничтожить. Тогда не останется для меня время заявить, что я не хожу еще среди живых. Мозг так быстро работает, что я, кажется, успел обдумать все это раньше, чем профессор Мориarty достиг доли Рейхенбахского водопада.

Я встал на ноги и осмотрелся вокруг себя. В своем живописном отчете об этом деле вы утверждаете, что стена была отвесна. Это было не совсем так. Существовало несколько небольших выступов, на которые мог встать ног, так же как и то, что выше есть выемка. Скала так высока, что вскарабкаться до самого ее верху, очевидно, было делом невозможным. А так же было невозможно идти по сырой тропинке, не оставив следов. Я мог, правда, перевернуть здание перед собой с поги, как это приходилось мне делать в подобных случаях. Но наличие трех пар следов по одному направлению, но верное, не вело бы к подозрениям в обмене. Итак, в конце концов лучше было рискнуть вскарабкаться на скалу.

Невесело это было дело, Ватсон. Водопад ревел подмною. Я не фантазер, но думаю в м слово, что мне казалось, будто я слышу голос Мориarty, кричащего мне из бездны. Милейший неверный шаг был бы роковым. Не один раз, когда клочки травы выскльзывали у меня из рук или ног моя скользил в сырых вертикальных скалах, я думал, что погиб, но я пробиваясь наверх и, наконец, достиг выступ в несколько футов шириной, покрытого нежным зеленым мхом, где я мог, скрытый от всех глаз, лежать